

Влюбленный хорек и демон истории

НГ Ex libris (прил. к Независимой) — 2006 — 13 марта — с. 1-2

Максим Кантор: «Можете считать мою книгу энциклопедией русской жизни»

Едва успев выйти, роман Максима Кантора «Учебник рисования» (М.: ОГИ, 2006) вызвал в Москве переполох и бурю эмоций в диапазоне от негодования до восторга. Одни сочли его гнусным пасквилем на героическую эпоху перестройки и первоначального накопления. Другие — монументальным полотном, новой энциклопедией нашей жизни. Эффект усугубляет и то, что двухтомную эпопею, обобщившую и сформулировавшую наконец опыт двадцатилетней эпохи (с 1985-го по 2005-й), написал известный на Западе и в России художник. Между прочим, автор нашумевшей статьи «Казарменный капитализм», написанной в ответ на «Левый поворот» Ходорковского. С этой стороны мы эпопеи явно не ожидали.

— Максим Карлович, как вы сами определили бы жанр, место и значение «Учебника рисования»?

— Это эпический роман, в который вставлено несколько самостоятельных произведений: плутовской роман, фантастическая повесть, историческое сочинение, трактат по эсте-

тике. Книга написана в нескольких тональностях: есть сатирические страницы, есть сухой, научный текст, есть сентиментальные и даже трагические сцены. Сквозь роман проходит спор двух мудрецов: философа и софиста. Этот платоновский диалог более, чем другие компоненты романа, выра-

— Метафора зеркала сработала и у вас. Одни культурные деятели, которых вы вывели на страницах романа, узнают себя, другие отказываются себя узнавать, зато охотно узнают других. Так и было задумано или это побочный эффект, а книга совсем о другом?

движение истории: например, старуха Марианна или хорек. В третьих, персонажи светской хроники — барон фон Майзель, политик Луговой, финансист Левкоев, культуролог Роза Кранц. И, наконец, реальные исторические лица — скажем, Брандт или Блэр, или Ельцин с Путиным, или Франко. Внима-

Я не ориентируюсь на нынешнюю элиту, потому что не признаю ее за элиту

жает его суть. Все вставные части очень связаны с основным повествованием, герои переходят из одного пласта повествования в другой. Структура довольно сложная, я строил композицию долго. Да, можно считать мой роман энциклопедией нашей жизни. Наше мелкое время отвыкло от масштабных вещей, стесняется их и боится. Хорошо бы перебить все зеркалом, чтобы себя не видеть. В мелких осколках мелкому времени отражаться не столь обидно.

— Книга о кризисе христианской этики, о закате Европы и европейского гуманизма. О любви. О судьбе России. О том, что такое свобода. Об истории XX века. Я бы выделил четыре типа персонажей в романе. Во-первых, главные герои — историк Татарников, философ Рихтер, грузчик Кузнецов, пенсионерка Татьяна Ивановна, художник Струев. До известной степени они включены в семейный роман, который тоже входит в книгу. Во-вторых, сказочные персонажи, символизирующие

движение истории: например, старуха Марианна или хорек. В третьих, персонажи светской хроники — барон фон Майзель, политик Луговой, финансист Левкоев, культуролог Роза Кранц. И, наконец, реальные исторические лица — скажем, Брандт или Блэр, или Ельцин с Путиным, или Франко. Внима-

Госсарт. Даная. 1527 г.

женщине или даже пофлиртовать. Сейчас за все вчиняют иск. Только у нас не вчиняют. Вот мы и едем в метро — кто с Беккетом, кто с Ионеско, кто с Роб-Грийе, кто с Кено, кто с Ви-

аном. Мы-то их еще помним, а любим не за Нобелевскую премию, а за слова. Смешные, дикие, ни о чем. Потому что мы-то все время боимся того, что понятно. ■

спекуляциями. В кругу перформеров и прочих романтических концептуалистов, которые определяли и отчасти продолжают определять культурную политику страны. Кто-то скажет, что вы элементарно завидуете этим людям...

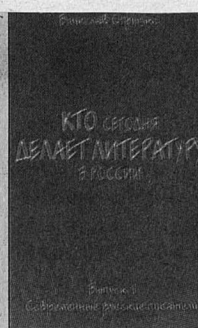
— Большой роман про общество невозможно написать, не располагая опытом. Опыт работы художника мне пригодился, но не только он, одного этого опыта не хватило бы — я описываю многое из того, что наблюдал, находясь среди людей разных социальных страт и профессий. Я встречался с финансистами, учеными и политиками, занимался экономикой и историей. Не надо преувеличивать значение художественного круга, круг историков для написания этой книги был значительно важнее. Не совсем понимаю разговоры о зависти. Кому же я могу завидовать? Я скорее привлек к тому, что завидуют мне — моей независимости от мнения тусовки, от круговой поруки, от галереи, от начальства. Мне повезло: я рано стал известен, много летставляюсь в музеях разных стран. Я действительно отказался от участия в художественной тусовке — потому что с ними безмерно скучно. А

также потому, что не нуждаюсь ни в чьей протекции — у меня исключительно успешная профессиональная карьера, если вы об этом. Другое дело, что мои амбиции состояли не в деланье карьеры, а в разрешении мировых проблем. Я завидовал тем, кто мог посвятить жизнь их разрешению, и только им.

— До выхода «Учебника рисования» о вас как о писателе не слышал почти никто. И сразу такой монументальный замысел, такой замах. И объемом в сто авторских листов, который, конечно же, напугает массового читателя, привыкшего за последние годы к легким одномерным историям в пару сотен страниц...

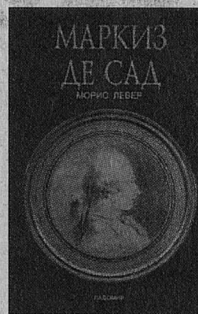
— Я всю жизнь пишу. В не меньшей, если не большей степени, чем художником, являюсь писателем. В так называемом литературном процессе не принимал участие по той же причине, по какой давно перестал участвовать в групповых выставках веселых художников: не хотел публиковать короткие рассказы. Выступать в роли литератора неинтересно. Задача иная — объяснить происходящее. На это ушло много лет и много страниц. «Учебник рисования»,

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 2

делает литературу в России. Выпуск 1. Современные русские писатели. — М.: Литературная Россия, 2006, 416 с. ISBN 5-7809-0049-9

Аксенов, Акунин, Арабов, Ахмадулина, Бондарев, Бондаренко, Быков (Дмитрий), Бородин, Галковский, Геласимов и пр. и пр. Словарь, попытка энциклопедии. Разумеется, авторской. Под одной обложкой и Александр Солженицын и Александра Маринина. А что? Делают литературу? Делают. Пишет Огрызко словарные свои статьи как статьи полемические. Что ж, читать это интереснее, к тому же есть с чем поспорить, да и информация тоже есть. Вот, скажем, об Александре Кушнере, самое начало: «Весной 2005 года корпорация РАО «ЕЭС России» на место первого поэта, похоже, назначила Александра Кушнера. Ему была присуждена первая премия и награда в размере 50 тысяч долларов». И уже далее более традиционное: «Александр Семенович Кушнер родился...» Волюнтаризм, конечно, но полезный и интересный.

Морис Левер. Маркиз де Сад/ Пер. с фр. Е. Морозовой. — М.: Ладомир, 2006, 964 с. ISBN 5-86218-463-5

Французский исследователь Морис Левер шаг за шагом воссоздает биографию легендарного писателя-распутника. Сексуальные безумства де Сада так многочисленны, что не очень понятно, когда же он успевал сочинять романы и пьесы. Одной из самых известных его выходок было так называемое марсельское дело, доведшее до иступления тогдашних блюстителей нравственности и морали. Суть его такова. Как-то в Марселе маркиз угостил «многолюдное собрание» пастилками с афродизиаком убойной силы. В результате «лица обоих полов, воспламенившись, принялись распутствоваться, а некоторые даже скончались от перевозбуждения». Ни себя, ни других не жалел веселый маркиз. Сам совокуплялся, как сейчас сказали бы, «с риском для жизни» и окружающих призывал. А что поделаешь, литература требует жертв.

Шапи Казиев. Повседневная жизнь восточного гарема. — М.: Молодая гвардия, 2006, 266 с. ISBN 5-235-02853-8

Шапи Казиев описывает гаремы так, как будто ничего более естественного просто не существует. В этой системе отношений между мужчиной и женщиной быт продуман до мелочей. Рынки наложниц, иерархия старших и младших жен, общение с внешним миром, изощренная эротика, разводы и вопросы наследования... Тема не только увлекательная, но еще и актуальная ввиду недавних разговоров о введении многоженства в России. Между прочим, когда-то гаремы в той или иной форме существовали не только при дворе царя Соломона или китайских мандаринов, но и в Древней Руси, и даже в просвещенной Европе. А в некоторых арабских странах их и сейчас навалом. Людям, живущим на доходы от нефти, одной жены, видимо, недостаточно.